

Мне кажется, ты это чувствуешь.
На сто тысячный раз повторения.
Пропадают эмоции в голосе,
Слова мертвые без вдохновения.
Заметно в глазах помутнение,
Или мне это мне только кажется.
Я не знаю как скоро этот
Самообман на нас скажется.
Легко откупиться от совести:
Улыбкой, подарками, письмами,
Попробовать больше не ссориться
В прощение познать истину.
Легко измениться поверхностно –
Снизить страстей накал.
Всё туман, дурман, заблуждение
Или глаз дурной в глаз попал.
Мне кажется это бессмысленно.
Я бреду по колено в снегу,
Холодно. Мысли искрятся отрывисто.
Но вернуться я не могу.
Потерялась в собственной гордости
И в болоте гнилых страстей.
А горит ли свет в нашей комнате?
Как дойти туда сквозь метель?

О. ПАНОВ

Письма городам Письмо Студню

Санкт-Петербург – студень.

Не вырос кольцами, как Париж. Не сварился в кашу, как Москва. Не соткался, как Стамбул. Застыл. Кости сварили в бульоне. Бульон остыл. Желе затвердело. Город дрожит. Студень – русский холодец, французский *aspic de viande*, английский *meat jelly* – делают так: кости, хрящи, жилы варят долго, медленно. Из костей выходит желатин. Бульон остывает. Твердеет. Видишь сквозь него, но не ясно. Куски мяса видны, подвешены в желе. Желе прозрачное, но мутное. На тарелке дрожит. Санкт-Петербург такой же. Город построен на воде – болото, реки, каналы. Вода – бульон. Город построен на костях – тысячи умерли при строительстве (1703–1725, каторжники, солдаты, шведские пленные). Кости отдали свою субстанцию. Город застыл. Но дрожит. Под камнем – вода. Под гранитом – болото. Всё может растаять. Другие города твёрдые. Рим – камень на камне. Нью-Йорк – сталь на скале. Москва – кирпич, сваренный в массу. Петербург другой. Петербург – желатин. Идёшь – поддаётся слегка. Стоишь – чувствуешь вибрацию. Ветер с Невы, метро под ногами, вода движется под асфальтом. Город не твёрдый.

Полутвёрдый. Держится, но еле. Это Петербург. Построен на смерти, плавает на воде, заморожен холодом, дрожит всегда. Город-студень.

Кости

Петербург построен на костях. Тысячи умерли при строительстве. Пётр I основал город в 1703 году на болоте в устье Невы. Место было стратегическое – выход к Балтийскому морю, «окно в Европу», – но земля непригодная. Болото, комары, наводнения. Никто там не жил. Пётр заставил. Он согнал крестьян, заключённых, солдат. Они осушали болото, вбивали деревянные сваи в грязь, закладывали фундаменты, строили Петропавловскую крепость, Адмиралтейство, первые дворцы. Работали в летнюю жару, в зимний холод, стояли по колено в воде. Умирали от болезней, истощения, холода. Оценки разнятся: 30 тысяч умерших, 100 тысяч, 300 тысяч. Никто не считал точно. Тела закапывали в братских могилах или бросали в болоте. Город построен на этих костях. Они – фундамент. Не метафорически, а буквально. Кости растворились в болоте, отдали свой желатин, ступили грязь, стабилизировали почву. Город держится, потому что держатся кости. Кости прибавились позже. Блокада Ленинграда (1941–1944): 872 дня, город окружён немецкими войсками, отрезан от снабжения. Миллион человек умерли – голод, холод, обстрелы. Умирали в квартирах, на улицах, в очередях за хлебом. Тела собирали, складывали штабелями, хоронили в братских могилах (Пискаревское кладбище: 420 тысяч тел, полмиллиона всего на кладбище). Кости ушли в землю. Ещё желатин. Ещё фундамент. Петербург – город смерти. Кости не скрыты. Они признаны – памятники, доски, кладбища. Но они также структурны. Город стоит на них. Студень сделан из них. Я шёл по Пискаревскому кладбищу однажды зимой. Могилы не обозначены – просто холмы, ряды холмов, трава летом, снег зимой. Статуя в центре: Мать Россия, держит пшеницу, скорбит. Тишина. Птиц нет. Снег глушил звук. Я стоял и думал: вот фундамент. Вот что держит город. Кости в земле, желатин в болоте.

Вода

Петербург построен на воде. Нева течёт через город – 74 километра длиной, дренирует Ладожское озеро в Финский залив. Река широкая (400–600 метров в городе), быстрая (течение 3–4 км/ч), холодная (никогда не тёплая, даже летом). Нева не петляет – течёт прямо, решительно, равнодушно. Вокруг Невы: каналы. Мойка, Фонтанка, канал Грибоедова, Обводный канал. Каналы рыли в XVIII и XIX веках – осушить болото, контролировать наводнения, перевозить грузы. Каналы узкие, медленные, облицованы гранитными набережными. Зимой замерзают. Летом пахнут стоячей водой и водорослями. Под городом: болото. Болото никогда полностью не осушили. Оно там, под асфальтом, под зданиями. Город построен на деревянных сваях – миллионы свай, вбитых в болото. Сваи из лиственницы (сибирская лиственница, не гниёт

под водой). Сваи покоятся на слоях песка, глины, торфа. Под торфом: вода. Болото. Бульон. Вода всегда присутствует. Не видишь её, но чувствуешь. Воздух влажный – всегда. Туман частый – по утрам, вечерам, накатывает с Финского залива. Дождь частый – серый, холодный, упорный. Вода просачивается через трещины в мостовой, через стены подвалов, через фундаменты. Город сырой. Студень никогда не бывает сухим. Наводнения: вода поднимается. Нева разливается, когда западные ветры с Финского залива толкают воду вверх по течению, поднимая уровень реки.

Самое страшное наводнение: 1824 год (19 ноября), вода поднялась на 4,2 метра выше нормы, затопила город, убила сотни. Пушкин написал об этом («Медный всадник»). Наводнение – часть мифологии города. Вода отвоёвывает город. Студень тает. Дамба защиты от наводнений (завершена 2011): плотина через Финский залив, 25 километров длиной, ворота закрываются, когда вода поднимается. Дамба работает. Город не затапливало с тех пор. Но вода там, давит, ждёт.

Я стоял на Дворцовой набережной однажды в марте. Нева вскрывалась – лёд трескался, куски плыли вниз по течению, громоздились у мостов. Звук: скрежет, хруст, низкий гул. Вода под льдом была чёрная. Лёд серый, грязный, исцарапанный. Весна в Петербурге не нежная. Она жестокая. Студень тает, но не плавно. Он ломается.

Сваи

Город стоит на сваях. Миллионы деревянных свай – лиственница – вбиты в болото. Сваи 6–12 метров длиной, 20–30 сантиметров в диаметре. Их вбивали сквозь торф, сквозь глину, в песок. Сваи не достигают коренной породы (она слишком глубоко, 50–100 метров). Сваи покоятся на слоях песка и глины. Вес зданий давит вниз. Сваи сжимают слои. Город медленно тонет – 1–2 миллиметра в год. Лиственница не гниёт под водой. Твердеет, превращается почти в камень. Сваи, вбитые в XVIII веке, до сих пор там, до сих пор держат. Но они не вечные. Если уровень воды падает, сваи оголяются, выходят на воздух. Они гниют. Здания смещаются, трескаются, рушатся. Город должен поддерживать уровень воды – не слишком высокий (наводнения), не слишком низкий (гниение). Студень должен оставаться холодным, но не замороженным. Замёрзнет слишком сильно – треснет. Потеплеет слишком сильно – растает. Эрмитаж (Зимний дворец): построен 1754–1762 (Бартоломео Растрелли, барокко). Дворец имеет 1500 комнат, 117 лестниц, 1786 дверей, 1945 окон. Стоит на 15 тысячах деревянных свай. Сваи покоятся на болоте. Дворец весит десятки тысяч тонн. Тонет медленно, неравномерно. Инженеры следят постоянно – лазерные измерения, датчики, корректировки. Дворец – самый крупный кусок мяса в студне. Тяжёлый, видимый, подвешенный в желе, медленно тонущий.

Я спускался в подвал Эрмитажа однажды (не открыт для публики, но был с проводником). Воздух сырой, холодный, пахнет камнем и плесенью. Стены толстые – два метра,

гранит и кирпич. Пол неровный. Проводник показал трещину в стене. «Здание оседает, – сказал он. – Оседает уже 270 лет. Будет оседать дальше». Студень смещается. Мясо плавёт. Желе держит, еле.

Камень

Камень – поверхность студня. Корка. Тонкая, твёрдая, холодная. Петербург построен из привозного камня. В болоте камня нет. Всё привезено извне. Гранит из Финляндии и Карелии (набережные Невы, мосты, колонны). Мрамор из Италии, Греции, Уральских гор (дворцы, церкви, интерьеры – 43 вида мрамора только в Исаакиевском соборе). Известняк из Эстонии (фасады, декор). Город – сборка чужих материалов, доставленных на кораблях, на телегах, вырезанных приезжими мастерами (итальянские, французские, немецкие архитекторы – Растрелли, Кваренги, Росси). Гранитные набережные Невы: строили 1760-е–1850-е, 20 километров речного фронта облицованы гранитными блоками, каждый блок весит сотни килограммов, подогнаны без раствора. Набережные держат реку на месте. Река давит на гранит. Гранит держит. Но под гранитом: деревянные сваи, болото, вода. Корка тонкая. Студень глубокий. Исаакиевский собор: построен 1818–1858 (Огюст Монферран, неоклассицизм). Собор имеет купол 101,5 метра высотой, виден со всего города. Купол держат 48 гранитных колонн, каждая 17 метров высотой, каждая весит 114 тонн. Колонны добыты в Финляндии, доставлены баржами, подняты деревянными лесами и ручным трудом (одну колонну поднимали два года). Собор стоит на 24 тысячах деревянных свай. Вес огромный. Здание тонет – 2 миллиметра в год. Студень сжимается. Камень – видимый слой. Корка, которую ты видишь, которой касаешься. Но это не субстанция. Субстанция – вода, дерево, кости. Камень – декорация. Необходимая декорация – держит дождь, держит холод, придаёт городу форму. Но убери камень, и город всё ещё там – болото, сваи, кости, вода. Студень.

Холод

Холод замораживает студень. Без холода город тает. Зима в Петербурге долгая – ноябрь–март, иногда апрель. Температуры падают до минус 20, минус 30 градусов Цельсия. Нева замерзает – твёрдый лёд, 50–70 сантиметров толщиной. Каналы замерзают. Финский залив замерзает. Город заперт во льду. До революции (1917) замёрзшая Нева была дорогой. Сани, кареты, даже ранние автомобили пересекали лёд. Торговцы ставили лавки на льду – чай, хлеб, водка. Зимой река не была барьером. Она была мостом. Теперь лёд ломают ледоколы. Судходный канал остаётся открытым. Но река всё равно замерзает. Лёд серый, грязный, исцарапанный. Весной (март–апрель) лёд ломается – ледоход. Лёд трещит, куски плывут вниз по течению, громоздятся у мостов, скрежещут о набережные. Звук жестокий – треск, скрежет, гул. Студень тает, но не мягко. Холод структурный. Город зависит от него. Если климат потеплеет, город в опасности. Вечная мерзлота

под частями города оттаёт. Сваи сгниют. Здания будут тонуть быстрее. Студень растает. Холод также культурный. Петербург – холодный город. Не просто температура, но атмосфера. Свет холодный (серый, рассеянный, идёт с севера). Камень холодный (гранит не греется на солнце). Вода холодная (Нева не согревается даже летом). Люди холодные (сдержанные, формальные, дистантные — не недружелюбные, просто холодные). Холод консервирует. Холод держит студень вместе. Я шёл по замёрзшей Неве однажды в феврале. Лёд был твёрдый. Люди ходили по нему, катались, ловили рыбу через проруби. Город был тихий – снег глушил звук, холод останавливал движение. Я стоял на льду и смотрел на Зимний дворец – зелёный и белый, колонны и окна, тяжёлый и неподвижный. Дворец сидел на набережной, на сваях, на болоте. Лёд подомной был 60 сантиметров толщиной. Но под льдом: вода, движущаяся, холодная, тёмная. Студень держался. Еле.

Дрожь

Город дрожит. Не насильно – Петербург не в сейсмической зоне. Но постоянно. Небольшие вибрации, постоянное движение. Чувствуешь это, если стоишь неподвижно, если обращаешь внимание. Ветер: с Невы, с Финского залива, с запада. Ветер постоянный – холодный, сырой, давящий. Ветер заставляет город дрожать. Здания слегка качаются. Деревья гнутся. Вода рябит. Студень колеблется. Метро: под городом, 5 линий, 72 станции, некоторые из самых глубоких в мире (до 100 метров под землёй – станция «Адмиралтейская», 86 метров глубиной). Метро прорыто сквозь воду, сквозь глину, сквозь песок. Туннели облицованы чугунными сегментами, скреплёнными болтами, гидроизолированы. Поезда грохочут по туннелям. Вибрации идут вверх – через землю, через сваи, через здания. Стоишь на улице, поезд проходит внизу, чувствуешь дрожь. Студень трясётся. Вода: под асфальтом вода движется. Болото не статично. Оно просачивается, течёт, смещается. Когда идёт дождь, вода поднимается. Подвалы затапливаются. Канализация переполняется. Каналы поднимаются. Город впитывает воду, но не может слить её достаточно быстро. Студень насыщен. Город не твёрдый. Полутвёрдый. Податливый. Идёшь по Невскому проспекту (главная улица, 4,5 километра от Адмиралтейства до Александрово-Невской лавры), и мостовая неровная – впадины, трещины, заплатки. Здания немного наклонены – одни вперёд, другие назад, третьи вбок. Ничто не идеально вертикально. Ничто не идеально неподвижно. Студень дрожит.

****Невский проспект**** (Гоголь, 1835): рассказ о ложности Петербурга. Невский проспект – главная улица города, широкая, прямая, обрамлённая магазинами, дворцами, церквями. Она красива. Но Гоголь пишет: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется». Улица прозрачна – видишь сквозь неё, – но мутна. Ничто не реально. Студень прозрачен, но затуманен. Видишь мясо, но не знаешь, что это. Гоголь понимал Петербург. Город лжёт. Он красив, но построен на костях и болоте. Он твёрд, но дрожит. Он прозрачен, но мутен.

Дворцы

Дворцы – мясо в студне. Крупные куски, видимые, подвешенные в желе.

****Эрмитаж (Зимний дворец)****: построен 1754–1762 (Бартоломео Растрелли, барокко, по заказу императрицы Елизаветы). Дворец зелёный и белый – цвет морской пены, слоновая кость, золотая отделка. Фасад 200 метров длиной, 3 этажа высотой, 1786 окон. Дворец массивный, орнаментированный, избыточный. Внутри: музей Эрмитаж, один из крупнейших музеев мира – 3 миллиона объектов, 66 842 квадратных метра выставочного пространства. Коллекция включает Рембрандта, Да Винчи, Микеланджело, египетские мумии, скифское золото. Дворец стоит на 15 тысячах деревянных свай. Сваям 300 лет, они всё ещё держат, но стареют. Дворец тонет – медленно, неравномерно. Трещины появляются в стенах. Инженеры их замазывают. Дворец тяжёлый – слишком тяжёлый для болота. Но держится. Студень держит его. Еле.

****Петергоф****: летний дворец Петра I, 30 километров западнее Петербурга, на Финском заливе. Построен 1714–1723 (по образцу Версаля). Дворец имеет сады, фонтаны (64 фонтана, 255 скульптур, без насосов – питаются гравитацией от естественных источников в холмах). Большой каскад: водопад, спускающийся от дворца к морю, золотые статуи, Самсон борется со львом, вода бьёт из пасти льва. Дворец был разрушен во время Блокады Ленинграда (1941–1944). Немцы оккупировали его, разграбили искусство, заминировали здания, сожгли их. После войны: восстановили. Точная реконструкция. Тот же дизайн, те же материалы, то же золото. Дворец – копия, но идеальная. Студень растаял, потом снова застыл.

****Царское Село (Екатерининский дворец)****: 25 километров южнее Петербурга, летняя резиденция царей. Построен 1752–1756 (снова Растрелли, снова барокко, голубой и белый и золотой). Дворец имеет Янтарную комнату – стены покрыты янтарными панелями, сусальным золотом, зеркалами. Янтарную комнату разграбили немцы (1941), она исчезла, потерялась. В 2003 году: восстановили. Новая Янтарная комната, реконструированная по фотографиям, с использованием янтаря из Калининграда. Оригинал потерян. Копия красива. Студень переформировался. Дворцы плывут в студне – тяжёлые, орнаментированные, медленно тонущие. Они – видимая субстанция города. Но не фундамент. Фундамент – кости, вода, дерево. Дворцы – мясо. Необходимое. Красивое. Но вторичное.

Метро

Метро – туннели сквозь студень. Глубокие, узкие, облицованные железом. Петербургское метро открылось в 1955 году (первая линия: от «Автово» до «Площади Восстания», 7 станций, 10,8 километров). Метро прорывали сквозь сложный грунт – вода, глина, песок. Туннели глубокие (30–80 метров под землёй, некоторые глубже). Самые глубокие станции: «Адмиралтейская» (86 метров), «Чернышевская» (71 метр), «Площадь Ленина» (70 метров). Глубина необходима – грунт

нестабилен. Мелкие туннели затопило бы, обрушились бы. Глубокие туннели достигают более стабильных слоёв. Но копать глубоко дорого, опасно. Туннели рыли щитовым методом (цилиндрический щит, режет вперёд, рабочие внутри, сегменты чугуна устанавливаются сзади). Туннели протекали. Вода просачивалась. Насосы работали постоянно. Всё ещё работают. Станции – дворцы. Мрамор, мозаики, люстры. Станция «Автово»: стеклянные колонны, бронзовые капители, мозаики военного героизма. Станция «Нарвская»: барельефы рабочих, солдат, колхозников. Станции строили как пропаганду — показывать советскую силу, советскую красоту. Получилось. Станции красивы. Эскалаторы длинные — самые глубокие эскалаторы в мире. «Адмиралтейская»: 137 метров длиной, едешь 3 минуты. Спускаешься в землю, в студень, в окружении пассажиров, молчаливых, усталых. Эскалатор гудит, вибрирует. Выходишь вниз – холодно, сыро, запах камня и металла. Платформа. Поезд приходит – грохот, визг, шипение. Двери открываются. Входишь. Двери закрываются. Поезд отправляется – в туннель, в студень, в темноту. Метро – артерии сквозь желе. Поезда – кровь. Город зависит от них. 9 миллионов поездов в день (до пандемии). Метро переполнено, эффективно, дешёво. Работает. Студень позволяет это.

Память

Петербург помнит слоями – желатин застывший, один слой на другом.

****Основание (1703)**:** Пётр I основывает город на болоте. Тысячи умирают, строя его. Кости уходят в землю. Город поднимается на смерти. Первый слой студня.

****Имперская столица (1712–1918)**:** Петербург – столица Российской империи. Цари, дворцы, бюрократия, искусство, литература. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чайковский, Римский-Корсаков. Город – культурный центр России. Второй слой. ****Революция (1917)**:** большевики штурмуют Зимний дворец (25 октября 1917 года, старый стиль; 7 ноября, новый стиль). Крейсер «Аврора» даёт холостой выстрел. Дворец падает. Временное правительство арестовано. Начинается Советский Союз. Столица переезжает в Москву (1918). Петербург теряет власть, но сохраняет память.

Третий слой. ****Блокада Ленинграда (1941–1944)**:** немцы окружают город. 872 дня. Нет еды, нет топлива, нет электричества. Голод, холод, обстрелы. Миллион умерших. Город выдерживает. Не сдаётся. Кости громоздятся – братские могилы, замёрзшие трупы на улицах. Город выживает.

Четвёртый слой. ****Советский Ленинград (1924–1991)**:** город переименован в Ленинград (1924, после смерти Ленина). Промышленность, верфи, оборонные заводы. Город советский – серый, функциональный, контролируемый.

Пятый слой. ****Постсоветский Петербург (1991–по настоящее время)**:** город снова переименован в Санкт-Петербург (1991). Советский Союз рушится. Город открывается – туризм, реставрация, капитализм. Дворцы восстанавливают. Фасады

красят. Город снова красив. Но кости всё ещё там. Болото всё ещё там. Студень держится.

Шестой слой. ****Имена города**:** Официально – ****Санкт-Петербург**** (1703–1914), ****Петроград**** (1914–1924), ****Ленинград**** (1924–1991), снова ****Санкт-Петербург**** (1991–по настоящее время). Народ всегда звал его ****Питер**** – коротко, тепло, своё. Имена менялись. Студень оставался. Город не изменился – только вывески. Каждый слой прозрачен, но мутен. Видишь сквозь до предыдущих слоёв – имперские дворцы, советские памятники, военные шрамы. Всё видимо. Всё присутствует. Студень не стирает. Накапливает.

Я шёл по городу однажды, пытаюсь увидеть слои. Невский проспект: имперские здания (XIX век), советские названия улиц (проспект 25 октября, 1918–1944), постсоветские магазины (Макдоналдс, Зара, Сефора). Слои перекрываются. Церковь, дворец, станция метро, торговый центр – всё в одном квартале. Студень толстый, слоистый, мутный. Но прозрачный. Видишь сквозь, но не ясно.

Эпилог

Ночью, в подвале Эрмитажа – или на кухне Петропавловской крепости – кто-то варит бульон. Звук тихий, ритмичный: вода кипит, кости стучат, пар шипит. Звук проходит сквозь камень, сквозь туннели, сквозь фундамент. Ночные охранники слышат. Работники музея слышат. Никто не расследует. Некоторые звуки в Петербурге лучше оставить в покое. Утром находят желатин. Капли его на гранитной набережной Невы, словно разлитые. Размазанное пятно на ступенях Зимнего дворца, полупрозрачное, холодное. Заплата его на мостовой Невского проспекта, дрожащая, испаряющаяся на солнце. Никто не претендует на него. Желатин убирают, смывают. Работа продолжается.

Послесловие

Если пишешь энциклопедию Петербурга, сделай её рецептом повара. Не путеводителем. Не историей. Рецепт чтения студня. Как определить кости. Как проверить бульон. Как оценить дрожь. Как понять город не как архитектуру, а как желатин – прозрачный, но мутный, твёрдый, но дрожащий, сделанный из смерти, скреплённый холодом. Запиши материалы: цвет Невы зимой (серо-зелёный, покрытый льдом, непрозрачный). Звук метро на станции «Адмиралтейская» (грохот, эхо, 86 метров глубиной). Запах канала Грибоедова летом (водоросли, застоявшаяся вода, слабая канализация). Вес Зимнего дворца (десятки тысяч тонн, тонет 2 миллиметра в год). Запиши пропорции: 5 миллионов человек (текущее население). 1 миллион умерших (Блокада Ленинграда, 1941–1944). Десятки тысяч умерших (основание, 1703–1725). Миллионы деревянных свай (под городом, держат его). 74 километра (длина Невы через город). 100 метров (глубина самых глубоких станций метро).

Запиши дрожь: ветер с Финского залива (постоянный, холодный, сырой). Вибрации от метро (поезда проходят вниз,

каждые 2–3 минуты). Вода просачивается (сквозь трещины, сквозь подвалы, сквозь фундаменты). Город дрожит. Студень держится. Любовь к городу – не громкие заявления. Это записи. Эти измерения. Эти наблюдения того, как формируется желатин, как растворяются кости, как холод сохраняет. Так что гуляй. Езди в метро. Стой на замёрзшей Неве. Смотри, как лёд ломается весной. Спускайся в подвал Эрмитажа. Слушай звук кипения в темноте. Чувствуй дрожь под ногами. И помни: Петербург – студень. Город дрожит. Город держится. Повар мешает. Бульон кипит. Студень продолжается. Таков Петербург.

В. ФОМИН

Пожухла листва и, неспешно слетая,
Кружилась в полёте до самой земли.
Тепло и как будто щепоточку рая
Дарил нам сентябрь. Его не смущает
Что ливни прийти к нам давно как могли,
Но нет их, а значит вкусим напоследок
Ушедшего лета подарок. Столь редок

Подобный денёк в череде дней рутины.
Живём и не видим всех красок вокруг:
Как таят весною громоздкие льдины
И запах травы, вкус созревшей малины
И дятла назойливый тоненький стук.
Всё это осталось за офисной створкой,
Ах, право, как жизнь мы живём свою горько.

Нет света, тепла, нет ни капли свободы –
Всё тонет в потоке текущих забот,
А как же в закате горят небосводы,
Как звонок весною поток талых вод,
И эта листва, что желтеет и ждёт,
Когда ей в полёт и ковром под ногами
Придётся покорною стать. Сапогами

Топтать её будут теперь все и всюду:
В садах, скверах, парках, вдоль шумных дорог,
Ковром она станет служить верно люду,
Потом же сгниёт и настанет этуду
Конец, то есть кода и через порог
Уже зашагает зима с холодами
И новым ковром мир накроет – снегами!

Ветка качнулась, листок оторвался,
Плавню кружась, опустился он в грязь.
Тёплый сезон до весны попрощался,
И холодов череда началась.

Яркие пятна на мокром асфальте,
Лужи и слякоть, дожди и ветра.
Крик к небесам – "Сбавьте темп, не скандальте",
Но ливни хлещут с утра до утра.

Дивные виды померкли, увяли,
Воздух собою морозит слегка,
Листья, слетая, ковром мокрым стали,
И зимних вьюг пора очень близка,

Только пока всё же время иное,
Пусть покружит лист ещё над землёй.
Осень. Тоска. Утро снова сырое,
Дождь припустил и сплошной льёт стеной.

Краски растаяли, мрачно в миг стало,
Ветви нагие чернеют вдали.
Жизнь где уснула, а где и увяла,
Листья чернеют, коснувшись земли.

Унылое небо тоскливо висело
Над городом серым, над крышей домов,
Над лентой дорог, где вокруг всё шумело,
Но вырваться прочь от бетонных оков

Нельзя было вовсе. Народ брёл куда-то,
С печалью во взоре на небо смотря.
Оно же как будто бы было и радо,
Что грусть навивало в конце октября.

Где цепь облаков и где синь настроенья?
Всё серо, уныло и давит собой.
Так было в четверг, есть сейчас в воскресенье
И будет ещё через день иль другой.

Сейчас бы к камину, в тепло и уют,
Туда, где трещат щепки в огненных лапах,
Где стрелки часов перестуком идут,
Где время застыло, знакомый где запах,

Где хочется просто сидеть и смотреть
Как жаркое пламя съедает поленья.
Там хочется жить, и не тлеть, а гореть.
Но вырваться сил нет из лап заточенья
Рутины и серости дней городских,
Что в слепках бетона нас держат насильно...
Жаль, треск от камина звучит для "своих"
И где-то вдали, где желанья бессильны.